

ТРАГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР В «ДМИТРИЙ САМОЗВАНЦЕ» СУМАРОКОВА И «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ» ПУШКИНА

Известно, что Пушкин отвергал драматическую систему классицизма и отрицательно относился к Сумарокову, о котором писал в 1830 году: «явился Сумароков, несчастнейший из подражателей. Трагедии его, исполненные противусмыслия, писанные варварским изнеженным языком, нравились двору Елисаветы... Сии вялые, холодные произведения не могли иметь никакого влияния на народное пристрастие».¹

Однако резкая оценка, которую дает Пушкин Сумарокову еще не означает, что вопрос о сопоставлении творчества одного из значительных русских драматургов, каким был Сумароков, с драматургией Пушкина не может быть поставлен с полной серьезностью.

Сумароков—один из выдающихся драматургов XVIII века, целой литературной эпохи, и его трагедия «Дмитрий Самозванец» — одна из вершин классицистического искусства в этом жанре. И мы вправе считать, что при всех резких отзывах о Сумарокове, звучавших из уст и вышедших из-под пера Пушкина, он не мог не обратить на драматургию Сумарокова внимания.

Материалом для обеих трагедий — Сумарокова и Пушкина — послужили одни и те же события из истории России. И, сравнивая эти два произведения, мы хотим, используя только материал обеих трагедий, показать разницу в изображении трагических характеров Дмитрия у Сумарокова и царя Бори-

¹ А. С. Пушкин. О народной драме и о драме «Марфа Посадница» М. П. Погодина. Полное собр. соч. Изд. АН СССР, т. II, стр. 279.

са у Пушкина, и вместе с тем отметить, что это несходство — результат многочисленных и существенных «поправок», внесенных Пушкиным в жанр исторической трагедии, на основе его новых взглядов на жанр исторической трагедии и вообще драматического искусства.

В первом действии трагедии Сумарокова Пармен, наперсник Дмитрия, пытается выяснить причину страданий самозванца, так как убежден, что у Дмитрия нет оснований чувствовать себя несчастным:

То небо отдало, что отнял Годунов;
А истина на трон тебя взвела.
Какие ж горести судьба тебе дала?

Ответ Дмитрия сразу же проясняет суть его характера, дает представление о сумароковском принципе изображения человеческой личности:

Зла фурия во мне смятенно сердце гложет:
Злодейская душа спокойна быть не может.

Земного повода для печали у Дмитрия нет — трон он сумел захватить, но его снедает роковая жажда совершить ряд злодейских поступков. Сумароков не делает никаких отступлений от поэтики классицизма, которая требовала изображать человека носителем какого-то одного душевного качества. Причем сам человек не может выбирать между добром и злом: он над собой не властен, не в состоянии измениться, потому что таким его создала природа, и он действует только по ее велению. Потому своих «тиранственных» намерений самозванец не скрывает, он, наоборот, как бы афиширует их. Искренен будто бы и внешне смиренен царь Борис у Пушкина:

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами.
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!

Однако Годунов не смиренен и не искренен — он хитрит. Шуйский хорошо говорит о поведении Бориса, долго не соглашавшегося стать царем:

Народ еще повоет да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,

И, наконец, по милости своей
Принять венец смиренно согласится.

Расчет Бориса прост — не навлечь поспешным вступлением на престол подозрения в убийстве, совершенном им ради политической карьеры. Он полагает, что эта осторожность поможет сохранить ужасную тайну. Ее раскрытие может повредить ему, так как враги только ждут удобного момента для отнятия у Бориса власти. А среди знати носятся между тем слухи, что Бориса «раскаянье тревожит». Но Шуйский, например, уверен, что Годунов перешагнет это преступление, так как он «вчерашний раб», татарин, зять Малюты, зять палача и сам в душе палач». Таким образом, Годунов, как и Дмитрий, носит в душе «тяжесть» преступления. Но Дмитрия только мучает неистребимая тяга к преступлению, обусловленная его природной, роковой склонностью, тогда как герой Пушкина обременил совесть вполне конкретным преступлением — убийством малолетнего царевича.

Пушкин показывает два источника переживаемой Борисом драмы. Главный источник — невозможность оставаться на троне, куда он взошел ценой тяжкого преступления. Эта невозможность проистекает отнюдь не оттого, что Бориса мучает раскаяние в совершенном убийстве. Нет. Как видно из трагедии, народ не доволен его правлением и только ждет удобного случая, чтобы выступить против Годунова. И это более всего терзает царя.

...Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложил пустое попеченье.
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых.

Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы —
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огонь их дома истребил,
Я выстроил им новые жилища,
Они ж меня пожаром упрекали.

Рухнул расчет Бориса, когда он долго не соглашался вступить на престол, чтобы дать почувствовать «черни», как он ей нужен, чтоб не вздумала она потом идти на попятную,

Тут есть от чего почувствовать себя несчастным. Заключительные строки монолога Бориса «Царские палаты» обнажают вместе с тем более «интимную» сторону его драмы. На что же может он опереться, если «чернь» отвергает его как царя. Быть, просто человеком, найти опору в самом себе, в своей совести.

Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто...

Здесь очень значительная, указанная Пушкиным, пауза, она говорит о том, что Борис ищет точку опоры, размышляет:

...едина разве совесть,
Так, здравая, она восторгествует
Над злобою, над темной клеветой...

И тут же он видит, что и совесть ему не поможет, так как в ней «единое пятно случайно завелось». Оттого-то, «как молотком стучит в ушах упрек, и все тошнит, и голова кружится, и мальчики кровавые в глазах».

Иначе показан трагический характер в произведениях Сумарокова. Драматург XVIII века только делает «обмолвки» относительно того, что у Пушкина является главной причиной трагедии Годунова. Так, Димитрий признается, что россом он ненавидит за то, что они враждебно относятся к его политике, в которой он ориентируется на католическую Польшу и Рим.

Так милости моей Россия не причастна,
Коль папской святости не хочет быть подвластна.

Таким образом, тиранить Димитрий вынужден и по политическим мотивам, мстя несогласным, подавляя их. Но разлад политики царя с мнением народа, столь важный у Пушкина, в трагедии Сумарокова теряется среди немотивированных никакими объективными причинами порывов Димитрия резать, жечь, топить. Он постоянно подчеркивает свои злодейские намерения. Димитрий готов ради прихоги обладать Ксенией, отравить свою жену, и на восклицание Пармена — «о действьи таком помыслить ужасно» — отвечает: «Я к ужасу привык, злодейством разъярен, наполнен варварством и кровью обогрен».

Царскую власть Димитрий считает стоящей выше истины и добивается ее ради получения возможности к неограниченным тираническим поступкам. Источник трагического в натуре Димитрия, в его судьбе заложен в самой его природе: она

вложила в его душу много зла и ни капельки доброго чувства к людям. Эта фатальная предрешенность человеческой личности была свойственна классицистам.

Показав Дмитрия тираном, Сумароков выполнил своей трагедией половину задачи. Другая состояла в том, чтобы развенчать тирана на троне. Много усилий к этому прилагает Шуйский, который стремится убрать Дмитрия не посредством убийства, а надеется сделать это, опираясь на силу народа. Но в трагедии Сумарокова народ лишь созерцает борьбу канонических героев и лишь является свидетелем смерти тирана. На этом трагедия Сумарокова заканчивается.

Пушкин отвергает традиционную схему классицизма, в которой истина и добро обязательно торжествовали над злом. В трагедии «Борис Годунов» за новым царем на престол тоже тянется кровавый след, и народ безмолвствует в ответ на призыв провозгласить здравицу в честь нового царя. В конечном итоге Пушкин идет от показа трагедии личности, обремененной роковой страстью, к показу личности, трагедия которой обусловлена действительностью (Борис), и трагедию народа, вынужденного жить под властью царей-тиранов. Эти ступеньки вели к вершине реалистического искусства, какой и стал его «Борис Годунов».

Но вернемся к образам Бориса и Дмитрия. Сумароков свел все постулки, точнее разглагольствования своего героя, к жажде крови, к его главенствующей и единственной страсти. Пушкин в образе царя Бориса преодолевает полностью схематизм и абстрактность классицистического героя. «Пушкинский Годунов является читателю то честным, то низким человеком, то героем, то трусом, то мудрым царем, то безумным злодеем, и нет другого ключа к этим противоречиям, кроме упреков виновной совести»,¹ — писал о характере Годунова Белинский, упрекая Пушкина за то, что его герой не может преодолеть мук виновной совести, оттого является мелодраматичным. Критик не предвидел, что, вероятно, уже в «Годунове», начала оформляться очень плодотворная гуманистическая пушкинская мысль, что «гений и злодейство — вещи несовместные». («Моцарт и Сальери»). Эта мысль будет подхвачена русскими писателями позднее. (Наполеон в «Войне и мире» Толстого, Раскольников в «Преступлений и наказании» Достоевского).

---

¹ В. Белинский. Собр. соч. в 3-х томах, Т. 3, М. ГИХЛ, 1948, стр. 587—588.

Белинский несправедливо упрекает Пушкина за созданный им образ царя Бориса, сам же он пишет о том, что в «Годунове» трагический герой впервые стал человеком от мира сего, личностью многогранной, как говорит сам Белинский: «статуею, которая вырублена не из одного цельного мрамора, а сложена из золота, серебра, меди, дерева, глины».¹

Белинский же писал в упрек Пушкину: «Какой мелкий и ограниченный взгляд на натуру человека (то есть взгляд Пушкина на натуру Годунова — Л. Е.). Какая бедная мысль — заставить злодея читать самому себе мораль, вместо того, чтобы заставить его всеми мерами оправдывать свое злодейство в собственных глазах!»

Оттого-то в философском отношении этот взгляд на Годунова сильно напоминает собою добродушный пафос сумароковского «Дмитрия Самозванца».² Это утверждение не назовешь иначе как курьезным. Оно родилось, очевидно, под влиянием некоторого сходства очень важных монологов Дмитрия и Бориса, явившихся своеобразной кульминацией образов того и другого героя.

Не твердо на главе моей лежит венец.
И близок моего величия конец.
Повсеминутно жду внезапные премены.
О устрашающи меня кремлевски стены!

Не венценосец я в великолепном граде,
Но беззаконник злой, терзаемый во аде,
Все вопит на меня: грабеж, неправый суд...

Беги, тиран, беги... кого бежать?... себя
(«Дмитрий Самозванец», д. 2).

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе.

Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горь.

Кто не умрет, я всех убийца тайный

И рад бежать, да некуда ...ужасно!
(«Борис Годунов», «Царские палаты»).

¹ В. Белинский, Собр. соч. в 3-х томах, Т. 3, М., ГИХЛ, 1948, стр. 587—588.

² Там же, стр. 588—589.

Зато в заключительных словах есть огромная разница, которая свидетельствует о разном подходе к изображению героев.

Димитрий

Гони и будь гоним, живи, умри тираном!

Борис:

Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Сумароков не может показать изменений в натуре Димитрия, и его герой остается по-прежнему при своих злодейских намерениях. В реплике Бориса сквозит глубокое сожаление о содеянном, надломленность. Герой Сумарокова в финале произносит очень эффектные слова, сожалея, что вместе с ним не погибла вся вселенная.

Обычно, когда хотят Пушкина отделить непроницаемой стеной от классицизма, то приводят следующие строки самого Пушкина: «Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков».¹

То же самое мы можем сказать о Пушкине-драматурге, сравнивая его с Сумароковым, что его Борис не тип «такой-то страсти, такого-то порока, а существо живое, исполненное многих страстей, многих пороков». В этом главное принципиальное отличие трагического характера пушкинского Годунова от сумароковского Димитрия.

---

¹ А. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 159—160.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ВЫПУСК 36

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Новосибирск 1971